

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Четыре лопасти «белла» рубили воздух над головой, с присвистом гудела турбина, под брюхом машины неторопливо плыла земля. Обычно открытые, сдвижные двери в борту на этот раз были закрыты наглухо, для улучшения аэродинамики и экономии топлива, так что в кабине было тихо, особенно в наушниках, массивных и плотно прилегающих к голове.

Если снять все лишнее, вроде пулеметов на турелях и сидений пулеметчиков, что стояли в этих самых дверях, и поставить два дополнительных бака «Робертсон» по семьдесят пять галлонов каждый, то этот «твин хьюи» вполне успешно летит почти так же далеко, как и тот «твин оттер», что обогнал нас совсем недавно. Ну, почти так же, на четыреста двадцать морских миль. Вылетели мы раньше, но самолет все же быстрее, так что минут пять назад он пронесся над нами, издевательски покачав крыльями. Но это мы чуть позже посмотрим, кто тут самый ценный член экспедиции и кому чем можно гордиться.

Справа от меня сидит Брайан, пилот, который заодно и за инструктора, то есть еще и я попутно учусь управлять этой вертушкой, но мы оба понимаем, что «инструктор» на самом деле знает ненамного больше «ученика». А если считать налет на самолете, то я этого «инструктора» по всем статьям за пояс затыкаю. Но других у нас нет, а Брайан недавно вернулся с пилотских курсов в Вайоминге, где отлетал требуемый лимит и оказался лучшим в выпуске. А потом мне удалось вытребовать пилота в отряд, и этим пи-

лотом оказался Брайан. А вторым пилотом, на маленьком «робинсоне», там и вовсе я. И теперь мы с Брайаном учим друг друга управлять этими машинами, чтобы хоть какая-то взаимозаменяемость была.

Как бы то ни было, машину сегодня ведет Брайан, а я за второго пилота сижу, в правой «чашке», как, помню, называли свои места пилоты «восьмерок» в Афганистане. Мы с Брайаном словно бы коллективный разум, пытаемся из двух новичков изобразить подобие одного опытного пилота. Но летим пока без проблем и происшествий, чему очень способствует солнечная и безветренная погода. За бортом натуральная благодать, а небо чистое такое, что даже не верится.

Три часа полета, а пейзаж почти и не менялся. Сначала тянулась Канадская Альберта, теперь под нами Северная Дакота, но все по-прежнему: плоская земля, покрытая почти уже заросшими прямоугольниками полей, а между ними разбросаны редкие опустевшие городки и куда более частые фермы, тоже пустые. Хотя вру, в паре мест мы какую-то активность наблюдали, даже трактор в поле что-то делал, поднимая за собой шлейф прозрачной серой пыли. Пару раз мы замечали мутные пятна, в городках, разумеется, но даже их было совсем немного. Именно что пару раз. Банды как-то больше сконцентрировались в направлении на Монтану и к западу от нашего анклава, отдельные анклавы местных тоже, а здесь если кто и жил, то, похоже, принципиальные одиночки. Или «синдромники» из неагрессивных, которые просто стараются держаться подальше от других людей. Среди «синдромников» таких немало, в сущности, хотя и другой твари среди них хватает — натуральных убийц и психопатов.

Синдром возвратного бешенства, RRS, если по-местному, проклятие этого полумертвого мира — последствие Эпидемии. Эпидемии Суперкори, которая убила этот мир, а если точнее, то девятерых из каждого десятка

живших в нем. Цивилизация вроде бы давно научилась бороться с эпидемиями, и в нормальных странах были для этого все инструменты, но... такой болезни еще не случилось. Самым страшным в ней оказался инкубационный период продолжительностью шесть, в среднем, месяцев, во время которого носитель инфекции становился заразным, но никаких симптомов болезнь еще не проявляла. И когда Суперкорь ударила по-настоящему, сопротивляться ей было уже поздно. Потому что заражены были все.

Суперкорь, если не убивала сама, приносила с собой энцефалит, и тот убивал уже почти наверняка. И если человек все же выживал и после энцефалита, то как раз и получал этот самый Синдром, как его все называли, потому что расшифровывать, что ты имеешь в виду, вовсе не требовалось. Синдром теперь был один. The Syndrome. В чем проявлялся? А что-то там в мозгу работало не так, выделяя не те вещества, не в то время и не туда, куда нужно, и в результате у человека, словно давление в котле, где-то внутри мозга постепенно зрел взрыв буйного, кровожадного, агрессивного бешенства. И сорвать эту растяжку могла, чем дальше, тем проще, любая провокация. Вид крови, громкий крик, что-то еще — что угодно могло вызвать приступ. И тогда лучше бы не находиться рядом с больным, пока приступ не пройдет. Потом человек будет обессилен и в общем-то безобиден, но это потом. Довелось мне столкнуться с такой вот «синдромницей», в сущности очень хорошей и доброй женщиной, — посмотрелся. Ну и просто еле уцелел, могла и убить.

Но это не самое страшное, это просто больные люди, к которым, кроме сочувствия, ничего не испытываешь.

А вот дальше... дальше «синдромники» поделились на несколько категорий. Некоторые, как Лора Джин, которую я встретил в опустевшем отеле в горах Колорадо и с которой отпраздновал Рождество, старались жить подальше от людей, как-то сами провоцируя у себя приступы и сами же

их переживая. Тогда приступ был вызван порезом на пальце, а я просто некстати оказался рядом, да еще, в отличие от других людей, вел себя по-идиотски, потому что ни о каком Синдроме никогда не слышал, это сама Лора Джин растолковала мне все после.

Некоторые же «синдромники» узнали, что приступа можно вообще избежать, если... если вообще вести себя как кровожадный осатанелый маньяк. То есть ты убиваешь сам — и никаких приступов. Более того, у таких «синдромников» и сам Синдром начинал работать по-другому, выбрасывая эндорфины, «гормоны счастья», тогда, когда носитель убивал, например. Лошадиными дозами, до полного кайфа. А если убивал он долго и мучительно, то и эндорфинов было больше. То есть у таких больных появлялась самая настоящая наркоманская зависимость от творимых зверств. И вот именно такие «синдромники» сбивались то ли в банды, то ли в стаи, и что они творили — даже описать не всегда получается.

Хотя... думается мне, что для того, чтобы стать именно таким больным, надо все же иметь какую-то гнилую червоточину в душе, такую черную дыру, через которую Тьма подкрадется к твоему сознанию. Синдром все же не сам менял человека, он больше отпускал на волю то, что в нем было заложено изначально, как мне кажется. Ведь та же Лора Джин вовсе не искала компании таких вот собратьев, а, наоборот, держалась от них подальше.

Как бы то ни было, а такие группы «синдромников» составляли костяки новых банд, а то и банды целиком. Банды отличались совершенно невероятной, изуверской кровожадностью, проявляемой иногда даже иррационально, в ущерб самим себе, потому что жажда крови и убийства перевешивала все остальные инстинкты, даже самосохранения подчас.

В основном эти банды концентрировались в Монтане, в прилегающих к Монтане областях Канады, в Северном

Вайоминге, в Айдахо. Нет, были они и в других местах, но именно там была самая настоящая «индейская территория», где угроза потерять скальп была не фигурой речи, а повседневной реальностью. Банда «Скальпов», например, себе название взяла от такой своей нехорошей привычки — скальпировать пленных. Вроде как у них фирменный знак.

А вот здесь, на землях, над которыми мы летим, банд вроде бы нет. По крайней мере, мы о них ничего еще не слышали, хотя информацию собираем по долгу службы, так сказать. Мало кто уцелел, не хватает ни нормальных людей населить всю территорию страны — именно поэтому так называемая Федеральная территория объединила лишь самые южные штаты, — ни бандитов, чтобы беспредельничать там, куда не дотягивается сильная рука. Есть места, где просто не живет никто. Разве что те, кто специально таких мест ищет. Вот как здесь, под нами.

Но как бы то ни было, банды для нас в списке угроз первым номером не числились. Для нас, чужих, то есть людей, провалившихся в этот дырявый и пораженный Тьмой мир из других слоев действительности, главной угрозой были «синдромники» третьего типа — это те, которые стремились жить, как все нормальные люди, мирные и безобидные. Потому что им нужна была сыворотка, регулярные ее уколы, которые снимали все симптомы RRS. Колись вовремя — и ты живешь как нормальный человек. Федеральная власть такой сывороткой обладала, и за счет этого множество больных могли вернуться в общество, к нормальной работе и нормальной жизни. Одна лишь проблема — единственным источником этой сыворотки была кровь изначально иммунных к Суперкори чужих, то есть наша.

«Синдромников» было много, только «нормальных» было около ста тысяч, кажется, а то и больше, так что мы как бы превратились то ли в дичь для уцелевшей части

Соединенных Штатов, то ли в какое-то ходячее сырье для фармацевтов.

Нет, понятно, что все это местные старались делать цивилизованно, никого там в клетках не держали. Попавшимся чужим выделили в вечное пользование пару островов из цепочки Флорида-Киз, натуральный рай на земле, им платили пособие, такое, на которое можно было и вообще не работать, и вообще делали для них что могли... при условии, что те никуда не убегают и сдают требуемое количество крови вовремя. Ну и лодок на тех островах не было совсем, а мосты, ведущие в сторону Майами, перекрыты наглухо. Резервация, в общем. Или заповедник. Да и состояние самого Майами как бы внушает подозрение. Скорей всего город мутный и выходы перекрывает наглухо сам по себе.

Поэтому те чужие, кто еще не попался местным, старались пробраться на север, в Канаду, в один из трех городков среди озер в провинции Альберта, где обосновался наш анклав — уже порядка девяти тысяч чужих. А узнавали они о том, куда следует прорываться, из листовок, которые разбрасывали над дорогами самолеты, из радиопередач, которые велись с так называемых баз передовых операций.

Семь баз, каждая словно бы на конце луча в несколько сотен километров, идущего из нашего анклава. Каждая укреплена, защищена от нападений, каждая готова принять беженцев, накормить, обогреть, приставить к делу или отправить в анклав. Именно на такой, в Грейт-Фоллз, штат Монтана, проработал с пару месяцев я, попутно сделав неплохую карьеру, и именно на такую, в Грэнд-Форкс, что в Северной Дакоте, мы летим сейчас.

Да, тут оговориться следует: я даже не уверен, что кто-то в нашем анклаве вообще знает, почему федеральная власть старается задерживать чужих. Я знаю, а вот чтобы кто-то еще... пока сомневаюсь. Потому что, в отличие от остальных чужих, я для этого мира... черт знает кто я для

этого мира. По всем признакам чужой, но не совсем. Ладно, слишком много подробностей сразу. Мы летим на операцию, и о ней надо думать.

Вообще нас много, пятнадцать человек, но все остальные летят на «твин оттере», чтобы разгрузить вертолет и дать ему возможность дотянуть до места дозаправки. Сам вертолет, как и все остальное, что у нас есть, найденш. Нашли его в аэропорту Форт-Мак-Мюррея, куда мы прилетели как раз в поисках подобных трофеев, а нарвались на банду «синдромников». Тогда погиб Джон, бывший канадский полицейский, с которым мы к тому времени почти подружились. С бандой тоже разобрались. На мой взгляд, именно там мы впервые состоялись как отряд, пусть еще и неполный. Так он и сейчас не совсем полный, вместо пятидесяти шести человек, положенных по штату, у меня всего тридцать один, включая тыл. Тогда нас и столько не было, но прорваться банде не дали, а потом, когда подтянулись подкрепления из анклава, сумели выгнать ее на засады, где и выбили почти полностью.

Именно тогда мне и удалось отхватить нам целых два вертолета из трофеев. Мы были героями, и за это вроде как нам послабление сделали, щедрость проявили — не один, а целых два. И тогда этот «хьюи» был желто-красным, с большой эмблемой нефтяной компании «Шелл» на борту, которой он раньше и принадлежал, но мы все же решили его перекрасить, и сейчас он просто черный, с аббревиатурой СЛЕ, нанесенной белой краской, что означает Cold Lake Enclave, то есть нас. Маленький «робинсон» выглядит так же, а раньше был бело-голубым. Но раньше он был обычным гражданским, а теперь поступил на службу в отдельный отряд, предназначенный для борьбы с бандами, так что надо солидней выглядеть. И незаметней. Говорят, что для вертолета именно черный цвет самый маскирующий.

Аэродром Грэнд-Форкс показался на горизонте одновременно с тем, как замигал датчик резерва топлива.

Огромный аэродром базы американских ВВС, которые его оставили во время Эпидемии и улетели на юг. Или не улетели, а украсили его стоянки горами искореженного металла, потому что военные уничтожали все, что не могли увезти с собой, бросая лишь невооруженный транспорт и легкое оружие, до которых у них руки уже не доходили. Вся авиация, вся бронетехника, все, что можно было взорвать, — взрывалось, потому как появление банд и территорий анархии предсказать было легко. С тем, что на покидаемых территориях оставались целые склады автоматов, винтовок и патронов к ним, приходилось смириться, их просто так не взорвешь, в отличие от артиллерийских, например, снарядов, поэтому такого добра великое множество попало в руки и бандитам, и выжившим, и чужим. Наш анклав, например, захватил почти все легкое вооружение со складов канадской армии.

Опять сбился с темы. На стоянках аэродрома сгрудилось множество искореженных взрывами самолетов, но взлетно-посадочная полоса была свободна, и в ее конце, возле больших ангаров, я увидел желто-красный «твин оттер», а рядом с ним машину-заправщик.

— Часок можем отдохнуть, — сказал Брайан, плавно опуская вертолет в сторону нарисованного белой краской на бетоне треугольника с буквой Н в середине.

— Можем, — кивнул я.

Перекусить точно не помешает.

Вот к посадкам вертолетным я никак привыкнуть не могу. Нет ни выравнивания по направлению и высоте, ни набегающей полосы, и к тому же обзор непривычно широкий. На «лайке», на какой я летал на разведку в Грейт-Фоллз, приходилось вообще рулить по полосе змейкой, высокий капот закрывал весь обзор. Увидел, куда тебе надо, — направил самолет примерно туда. Потом снова вильнул, чтобы убедиться, что ты именно туда и рулишь, и так далее. А тут и рулить не надо, и земля прямо под ногами видна.

Тень вертолета с мелькающими лопастями поползла по земле, одновременно уменьшаясь и приближаясь, затем с бетона поднялась жиденькая пыль. Я бросил взгляд на высотомер, напомнив самому себе в очередной раз, что «не верь глазам своим, верь приборам», а Брайан уменьшил скорость снижения до самой минимальной, вертолет завис совсем низко, а затем полозья коснулись бетона. Первый легкий толчок, второй, почти сразу же — есть, сели.

База в Грэнд-Форкс была, по сути, устроена так же, как и та, в Монтане, на которой мне довелось послужить. Только там, в Монтане, был один длинный терминал почтовой службы, а здесь два гигантских ангара, которые точно так же обложили барьерами «хеско» и большими мешками с песком, а внутрь натащили обычных туристических трейлеров. Американские трейлеры все больше большие и просторные, жить в них удобно. Я жил, так что знаю, что говорю. Один из этих ангаров был жилым, со спортзалом, зоной отдыха и столовой, второй больше работал гаражом и складом. А так все, как у нас, — посты на крышах, бдительность и все такое. Хотя бдительности поменьше, как мне показалось, — место не бандитское, в отличие от Монтаны. Расслабились, что не очень хорошо. Надо будет потом намекнуть аккуратно местному командованию. А если не внемлет, то уже его командованию.

Повели нас в столовую, понятное дело, устроенную так же, как и на моей бывшей базе, — то есть кухонный трейлер, прижавшийся к стене, и длинные столы рядами. Разве что повар отличался, потому что у нас за повара был очень толстый черный парень по имени Джубал, а здесь всем управлял низенький и тощий немолодой азиат, и еще ему помогала молоденькая и здорово на него похожая девушка, тоже маленькая и тощая.

Кормили же традиционно, как и на нашей базе и на всех остальных, то есть ты мог себе набрать бургер из того, что нравится, и подсыпать к нему обжаренной картошки. Мне

бургеры вообще не нравятся, к тому же американцы имеют странную привычку начинку для него не прожаривать, а запихивать сыровой, влажной и серой, но привык, так что и набрал себе такой, в три этажа, и смолотил под разговор, запивая чаем.

Ко мне подсел Уилл, командир этой базы, рыжий и конопатый, с широким крестьянским лицом мужик, у которого я узнал, что в этих краях бандитов нет, только небольшой людской анклав неподалеку, в основном фермеры, и с ними натуральный обмен, так что служба тут течет вполне спокойно. И твари подбираются очень редко.

— «Синдромники», понятное дело, — пояснил Уилл, — но тихие. И не все там «синдромники».

— На вакцине держатся?

— Нет, так наловчились, провоцируют приступ и запирают психанувшего. Нормальные ребята, в общем.

— Вы бы все же не расслаблялись очень, — сказал я. — Банд здесь если и нет, то только пока. Начнем их гонять в Монтане, например, кто-то вполне может переехать сюда.

— Здесь кормиться не с кого, этот анклавчик не прокормит большую банду, а с небольшой мы и сами разберемся, — возразил Уилл.

— Они могут и рабов привезти, так что... сам понимаешь.

— Слухи ходят, что отдельное подразделение специально для борьбы с бандами создали. — Уилл отпил кофе. — Это вы?

— Мы, — подтвердил я. — И скоро начнем действовать по задачам. Так что пути миграции банд... они могут пойти по пути наименьшего сопротивления. То есть в этом направлении.

— Это если у вас все получится, — усмехнулся он.

— У нас получится.

Времени лишнего не было, так что беседа не затянулась. Скоро наш «хьюи» был заправлен под крышки,

а мы с Брайаном забрались в кабину. Все, еще перегон, и мы на месте, в Ниагара-Фоллз, откуда и будем действовать дальше.

Связь с диспетчером, взлет, больше похожий на подъем в лифте, при этом лифт почему-то наклонился, затем «хьюи» неторопливо, чтобы никаких перегрузок и чтобы, не приведи бог, лишний литр топлива зря не истратить, равно как и ресурса, набрал скорость и пошел по маршруту, который тянулся голубой нитью по экрану навигатора.

Интересно, к слову, как долго еще эти навигаторы проживут? Спутниками федералы управляют, но сколько они там на орбитах проработают? Новых, я думаю, уже не ожидается, придется летать по компасам и ориентирам, если будет на чем еще летать. Хотя будет, простенькие самолеты прослужат еще долго-долго, вроде той «лайки».

Глава 2

И опять база. Описывать смысла нет, все те же трейлеры в ангарах. Единственное отличие — в Ниагара-Фоллз бандитской угрозы нет, все дороги в окрестностях забиты навеки замершими машинами, сюда людям если только самолетами добираться. Как и добираются, собственно говоря. Даже сама база с трудом оправдывает себя, выживших она собирает маловато и вообще существует лишь потому, что все направления должны быть как-то прикрыты. Зато здесь много трупоедов, тварей, появляющихся из Тьмы, и мутных пятен, так что служба здесь совсем не синекура. Ну и используется она часто как база для вылазок в совсем плохие районы, если там кому-то что-то нужно. Вот как сейчас, например.

На базе два постоянных пилота с двумя самолетами, под одним из которых уже подвесили хорошие камеры, так что к нашему появлению здесь подготовили почти час

подробнейшей видеосъемки объекта с разных ракурсов, в высоком разрешении и при хорошем свете. И сейчас мы просматривали этот ролик, собравшись в тесноватой брифинг-рум в штабном помещении базы.

— Дороги заперты, сами видите, — давала пояснения пилот по имени Синди, невысокая, коренастая, атлетичная девица с круглым лицом и собранными в хвост светлыми волосами.

Голос у нее при этом был странно писклявым, никак не вязавшимся с внешностью.

— Причем забиты на многие мили во всех направлениях, — пояснил Лерой, высокий черный парень в военном камуфляже, который тут был кем-то вроде начальника разведки. — Мы все время пытаемся найти хотя бы один маршрут земель в направлении Баффало, и все без толку. Во время Эпидемии подавляющая часть беженцев из Нью-Йорка рванула в этом направлении, и из других мест тоже.

— Почему? — спросил Алекс Мак-Грегор, наш штатный снайпер.

— Прошел или слух, или информация в медиа о том, что Канада вроде как не заражена, — пояснил Лерой. — Или что канадский климат лечит сам по себе. В такие времена люди верят всему, что дает хоть какую-то надежду. Но в Канаду никто не прорвался, все случилось слишком быстро. Застрелили здесь в пробках, умирали... дальше все понятно.

— То есть мы имеем здесь мать всех заторов, — добавил невысокий худощавый смуглый мужик латиноамериканской внешности, сидящий во вращающемся кресле за письменным столом.

Это Рикардо, он командует базой. Насколько я помню, он родом как раз из Баффало, только не этого, в этом слое, а своего Баффало, из которого он провалился. Я на всякий

случай заглянул в его файл во время планирования операции.

— ВПП на аэродроме перекрыта грузовиками в нескольких местах, самолету не сесть. — Кадр, сделанный с высоты, проектор вывел на большой белый экран, висящий на стене. — Сделано это было специально, видимо, с целью соблюдения карантина, — добавил Лерой. — В каком состоянии машины, можно ли их завести и отбуксировать, есть ли вообще к ним ключи, мы не знаем. У нас пока еще ни единого вертолета, а самолет... понятно, в общем, верно?

— Понятно, — согласился с ним я. — А это вертолеты, так?

Я направил лазерный целеуказатель, который использовал сейчас как указку, на силуэты нескольких винтокрылых машин разного размера, стоявших кучкой на отдельной стоянке.

— Верно, только с пилотами у нас не очень, — усмехнулся Рикардо.

— Пилоты появились, будем как-то решать. Что с тварями на аэродроме?

— Твари мелькают иногда, но эпизодически, основные мутные пятна дальше, и очень много трупов... — Лерой перехватил мой взгляд и уточнил: — Трупы несколько забивают их чутье, мы уже давно заметили. Много пицци, много запаха, живых могут просто не заметить, если сильно не шуметь.

Я посмотрел на свои схемы, разложенные на столе, нашел нужное здание на экране, навел лазерный зайчик на него.

— Это и есть склад службы охраны границы, так?

— Выходит, что так, — кивнул Лерой. — Дальше будет довольно подробная съемка со всех ракурсов, я сейчас покажу.

Действительно, съемка была подробная, самолет минут десять облетал здание на разной высоте, стараясь захватить его в кадр во всех возможных ракурсах. Ничего особо сложного не видно, обычное для Америки легкое сборное строение, с поднимающимися воротами и пристроенным сбоку офисом. Взломать — никаких проблем, если даже дверь заблокирована, то можно просто через стену войти с совсем небольшим усилием.

— Вот здесь два фронтальных погрузчика под навесом, видите? — Кадр перескочил на следующую отметку.

И верно, низко летящий разведчик захватил с острого угла силуэты двух массивных желтых машин, укрытых под навесом. Это хорошо, если их получится завести, это могло бы решить массу проблем, от разграждения взлетно-посадочной полосы до погрузки трофеев. А завести, если их специально никто не ломал, мы сможем, тут сомнений нет. У них, как и у любой брошенной техники, аккумуляторы разряжены скорее всего, а у нас есть мобильный пускач. Так что это все решаемо.

— Банды на вашем направлении так и не появились? — уже для очистки совести уточнил я.

— Откуда здесь братья бандам? — засмеялся Рикардо. — Сожрут их здесь. Это мы укрепились так, что не подберешься.

Тоже верно. И укреплена база на зависть, как раз против тварей — все заматано колючей спиралью, что только можно замотать, везде сетки и решетки, на каждый темный угол отдельный фонарь или прожектор, наблюдательные посты на крыше мало того что в клетках сидят, так еще и выходы в них прямо через крышу проделаны, чтобы ночью никто по незащищенной территории пешком не ходил, даже если это крыша. Впечатляет, короче.

— В общем, у нас получается по этапам. — Я посмотрел в свой блокнот с пометками. — Первое — высадка, вход в склад, осторожный вход, я замечу, там осматриваемся и ре-

шаем, стоит ли вообще дело затраченных средств. — Я обвел взглядом лица слушавших меня людей. — Ищем все признаки Тьмы, то есть черную травку, колеблющийся воздух, действуем по принципу «не вижу — не иду». Никакого риска, не сможем войти сегодня — войдем завтра, люди важнее всего. Это всем понятно?

Стандартное предупреждение, это то, что я талдычу личному составу постоянно: никакого риска без крайней необходимости, а лучше никакого вообще. Наша задача — добыть оборудование, железо, мы и без него проживем, а погибших не воскресить. Поэтому любители рисковать в таких делах скорее проблема, чем помощь, они не могут реально соотнести потребность в риске и задачу. Рисковать жизнью позволительно там, где этот риск спасет, может быть, другую жизнь или жизни, но не ради продвинутой электроники, за которой мы собрались.

Говорят, что понятно. Надеюсь, что так это и есть.

— Дальше, — я ткнул ручкой в следующую строку, — выясняем состояние погрузчиков. Двигаемся только группой, под прикрытием пулеметов, пулеметчики никакой помощи никому не оказывают, их задача — отбить нападение любой степени внезапности.

Пулемет против тварей Тьмы — лучшее средство, это мне еще с Отстойника известно. Не знаю, как эти твари появляются, но при этом они существа телесные, хоть и живучие, то есть пули вполне успешно их убивают, разве что пуль требуется больше, чем человеку. Но вот как раз пулемет с насыщением туши пулями справляется легко и успешно. В Отстойнике очень любили немецкие трофейные МГ-42 за их скорострельность в тысячу двести выстрелов в минуту.

— С крыши склада довольно хороший обзор в обе стороны полосы, так что, Алекс, — я повернулся к нашему снайперу, — ты с пятидесятым калибром следишь, чтобы

«демоны» ниоткуда не нарисовались. Если целей множество, считаешь их приоритетными.

— Принял.

«Демон» — это такой человекоподобный монстр, который умеет брать других монстров под ментальное управление. Когда появляются они, атаки всей это мерзости становятся скоординированными и куда более опасными. Но по прочности «демоны» — как любая другая тварь, то есть попадание пули пятидесятого калибра для них скорее всего будет фатальным сразу же.

— Я буду с тобой в качестве наводчика, — добавил я.

Я командир, мне бежать впереди строя с шашкой скорее противопоказано, хоть поначалу так и приходилось делать, никто ничего не умел. Сейчас люди как-то обучены, мы тренировались интенсивно, так что хотя бы команды принимать и выполнять они уже умеют. Поэтому мне надо находиться там, где опасности меньше, а обзор лучше. И оттуда командовать. И поэтому же я буду сидеть рядом с Алексом, вооружившись самозарядной Mk.11.

— Следующая стадия — принимаем решение на месте, можем ли разгородить взлетную полосу или нет. По фото похоже, что растащить заторы можно, сама полоса в порядке.

Взлетно-посадочную именно что перегородили грузовиками и прочими подвернувшимися под руку машинами. В эти «отрезки» мог бы сесть «твин оттер», который считается самолетом с укороченным взлетом и посадкой, но это рискованно, и из-за высоты грузовиков траектория не очень получается. Так что хотя бы один затор надо бы разобрать. А вот если разберем больше, то тогда можно вызвать из Колд-Лэйка «геркулес», к которому у нас наконец появился экипаж, и на нем вывезти очень много добра. Если оно там есть.

— В любом случае под «оттер» мы должны разгородить, то есть убрать вот эти машины. — Я направил лазер на изо-

бражение вытянувшихся в линию трех грузовиков. — Тогда самолет можно подогнать практически к складу. Брайан, — я обернулся к пилоту, — твое дело вылететь сразу же обратно и привезти вторую группу. И высадить по красному дыму, скорее всего прямо здесь, у офиса пограничной службы. — Лазерный зайчик перескочил с одного объекта на другой.

— Я понял.

— Это ведь тоже «хьюи»? — спросил я, направив лазер на силуэты черных вертолетов.

— Да, — коротко ответил он.

Я могу поднять «хьюи» и долететь на нем куда надо. Два «хьюи» в отряде могли бы перебросить почти что взвод. Если их не отберут в наново создаваемый авиаотряд, который, по замыслу командования, должен действовать в интересах всех подразделений. То есть каждый раз надо к кому-то на поклон идти. Я же не зря сказал, что два вертолета на отряд мы именно что выцыганили, так их никому не положено. Но мечтать ведь не вредно, верно? Хотя нам бы именно что хорошего летучего разведчика заполучить, со средствами ночного и теплового видения, вот было бы замечательно и здорово.

Ладно, потом об этом. Ночью. Спать лягу и помечтаю, вместо сексуальных фантазий.

— Если решим, что вызывать «геркулес» не стоит, то вывозим все «оттером» сюда, на базу, а дальше включается обычная логистика.

На этом основная часть совещания завершилась.

На ночлег нас разместили в «выживальческих» кемперах, то есть в тех, которые на любой из баз были зарезервированы для спасенных чужих. Сейчас таких на базе было всего двое, и мы должны были захватить их в Колд-Лэйк на обратном пути. Ну, если у нас все срастется с обратным путем, оно ведь по-всякому бывает. А поскольку жилых прицепов под спасенных отведено с запасом, разместились мы даже с комфортом.

Глава 3

На операцию обычно выдвигаются перед рассветом, чтобы использовать весь световой день, но в богатых тварями краях это правило не работает. Лучше дать утру полностью вступить в свои права, тогда активность всех этих «гончих», «демонов» и прочих «пионеров» заметно падает. Хотя и не думаю, что, даже дождавшись полудня, нам удастся полностью избежать их внимания.

Баффало и его окрестности населены были очень плотно, отсюда и до самого Нью-Йорка, то есть миллионы и миллионы трупов остались здесь вокруг. И все это место не покрылось мутным пятном лишь потому, я думаю, что его эпицентр оттянул на себя как раз Нью-Йорк, который по уровню кошмарности всего происходившего победил всех.

Хотя слышал, что как-то повлиял находящийся совсем рядом водопад. Есть такая теория. Я еще из Отстойника помню, что твари никогда не заводились на лодках и всяких баржах, например, и не могли войти в проточную воду. Даже сама Тьма не могла сомкнуться над рекой, и это вовсе не слух, потому что мы втроем, Федька, Иван и я, забрались прямо «под Тьму». И хотя ощущения от той экспедиции мне памятли до сих пор, ничего с нами не случилось.

Ниагарский же водопад, грохочущий на все окрестности и поднимающий над собой облака брызг, — это некий апофеоз проточной воды, наверное. И очень возможно, что Тьма близко к нему гнездиться не любит. Твари добегают, да, не зря народ на этой базе так укрепился и все щели законопатил, но именно рассадников их здесь нет. Такая вот аномалия. Если не считать аномалией саму Тьму.

В общем, наш вертолет, уже без допбаков, зато с пулеметами в дверях, оторвался от бетона примерно в девять утра, чтобы уже наверняка не угодить в какую-нибудь собачью свадьбу в месте назначения.

Летели низко, выдерживая высоту примерно в сотню метров от поверхности. Под нами тянулись бесконечные кварталы домов, промзоны, дороги, снова дома, совсем небольшие куски свободной земли и снова дома, дороги, промзоны. И все трассы, все выезды на них, все забито машинами — бесконечная, неразбираемая, непроходимая пробка, которая еще местами упиралась в дорожные блоки — скопления мешков, рогаток, колючей проволоки и военных машин. Пару раз я замечал, как мне показалось, вполне целые бронетранспортеры, без явных следов подрыва, но как их вытащить отсюда — ни малейшего представления не имею. Если только каким-то очень большим вертолетом зацепить и унести. Но у нас таких больших вертолетов нет и не предвидится.

Тварей тоже видели пару раз, несмотря на неурочное время. Хотя днем им тоже никто гулять не мешает, солнце и свет их не беспокоят никоим образом, но все же ночью они намного активней. А это значит, что ночью в этих местах вообще караул что творится. Но да, гуще их стало, когда мы от Ниагарского водопада отлетели подальше, то есть, может быть, даже теория о том, что он их как-то отпугивает, не совсем уж лишена оснований.

Лететь тут недалеко, рукой подать, так что к посадке мы готовиться начали, вроде бы едва оторвавшись, а аэропорт Баффало показался впереди скорей даже неприятно быстро. Я вот не томлюсь ожиданием боя, мне как раз торопиться в него не хочется, и полет в безопасности вертолетного чрева для меня предпочтительней беготни среди заброшенных строений в ожидании нападения в любую минуту.

Так, применяемся к карте, точнее, к фотоснимкам местности с пометками...

— Вон склад, — показал я пальцем на светло-серый большой ангар, прижавшийся к взлетно-посадочной полосе в самом ее конце.

Ну да, там еще два бело-зеленых внедорожника пограничной службы стоят у крыльца, ориентир, в принципе.

— Наблюдаю, — подтвердил Брайан. — Куда садимся?

У нас три альтернативные точки, окончательное решение принимаем на месте, то есть именно сейчас.

— На полосу, напротив склада.

— Принял.

Никаких лихих маневров, у нашего пилота пока опыта для них нет. Так что вертолет зашел на посадку плавно, медленно, и если бы это была высадка в зоне боевых действий, то я бы уже со страху помер, наверное, так вот висеть в качестве мишени. В Афганистане в свое время «коровы» ныряли вниз как дельфины и вываливали нас, то есть бойцов, быстро и без церемоний. Но здесь вроде боев нет и огневого противодействия не ожидается, так что можно и вот так покуда, по-инвалидному.

А вот группа к высадке приготовилась уже вполне сноровисто, и как только полозья «хьюи» коснулись земли, высыпалась с обоих бортов, образовав оборонительный периметр. За малостью наших сил постоянных стрелков в вертолете иметь у нас не получалось, но сразу два С9, как в канадском воинстве называли бельгийский «миними», и увесистый FN MAG, который С6, уставились в разные стороны.

Есть, выгрузились. Я махнул рукой смотрящему на меня через триплекс Брайану, мол, лети за второй партией. Вертолет неторопливо и как-то грузно оторвался от земли и пошел вперед и вверх, плавно разворачиваясь на обратный курс.

— Все лишнее бросаем здесь! — скомандовал я. — Фонари включить!

Свою «марк-одиннадцать» в чехле я положил рядом с винтовкой Алекса, сейчас мы оба просто автоматами вооружены, нам еще помещение проверять, а может, даже и

зачищать. За винтовками потом вернемся, если все по плану пойдет.

— Радист, ждешь с прикрытием.

Я сказал radioman, хотя за радиста у нас radiowoman — та самая Солдат Джейн с базы, симпатичная, коротко стриженная девушка в очках, которая тоже сумела напроситься ко мне в отряд. Я ее взял с условием, что она переучивается на радиодело и на передовую не рвется. Переучилась, а вот рвется или нет — пока не знаю. По факту это первый ее выход «на войну» с отрядом.

Хоть и день, но в здании может быть темнота. Окон в стенах хватает, но везде бывают всякие подсобки, кладовки, уборные, а для прорастания Тьмы и просто шкафа достаточно. Ну и против «темной плесени», как я сам для себя определил пробои Тьмы в подвалах, фонари работают хорошо, как огнемет. Другое дело, если из этого места какая-нибудь тварь уже вылезла, то толку с этого...

Гидроинструмент готов, с ним уже Роб прилаживается к дверям склада. Заработала гидравлика «на разжим», и через полминуты замок с двери сорвало со звуком пистолетного выстрела. Дверь настезь, оттуда на нас никто не бросился, и полной темноты, к счастью, там тоже не было — под крышей ангара идет ряд световых окошек, и еще целые оконные блоки вделаны в крышу.

Вошли, разошлись тремя парами, осматривая проходы между высоченными, до потолка, стеллажами. Так, вон какие-то двери в конце ангара, сразу несколько, вот там и могут быть темные места.

— Вперед.

Что делать — и так все знают, я народ еще по опыту Горсвета углегорского обучал, зачищали мы всякие заброшенные места вокруг Колд-Лэйка, так что потренировались все. И двери здесь оказались не заперты, так что открывали, освещали, готовились убить все, что зашевелится, но там ничего не шевелилось. Хотя в кладовке уборщика

темная травка все же завелась и осела под лучом моего подствольного фонаря серым пеплом. Если такое место сразу не «просветить» и рядом шляться, то могут быть проблемы. Тьма нас чует, а такие места, они еще и как ее рецепторы действуют. Так что тут вполне могла народиться какая-нибудь тварь, а то и не одна, и кинуться в атаку. А с тварями на малой дистанции дела все же лучше не иметь. Мне как-то довелось, и до сих пор память яркая о тех эпизодах.

— Чисто!

— Чисто!

Склад безопасен, похоже, начало операции положено вполне успешное. Теперь офис проверить, и тогда мы вроде как опорный пункт можем оборудовать.

В офис проход из склада был, причем через абсолютно темный тамбур. В самом офисе на полу нашлись совершенно обглоданные и растащенные останки как минимум двух человек и обрывки униформы. Не думаю, что это твари напали, скорее люди умерли в Эпидемию, а потом до них добрались трупоеды, как местные вполне логично называли создания Тьмы. Логично, но недостаточно емко, потому что одними трупами твари не ограничивались никогда.

С останками был и запах, густой и тяжелый, так что про сам офис как опорный пункт пришлось забыть, мы лишь как можно быстрее выбрались на крышу. К счастью, я достаточно правильно оценил положение этой крыши на видео и сейчас убедился в том, что с ее угла сектор обстрела получается в двести семьдесят градусов, а навес, под которым действительно стоят два фронтальных погрузчика, виден отсюда великолепно, до него метров триста... да, именно триста, триста восемь, если точнее, я проверил дистанцию дальномером.

Ну и что дальше? Пока нас никто не атакует, так что по идее можно подкрепления и не ждать, сразу к делу. Только винтовки нам с Алексом сюда притащить. Я притащу, он

пусть за наблюдателя сидит, он вообще зоркий и внимательный, давно замечено. И еще неплохо было бы какой-то из этих джипов, что стоят у входа, завести. Только ума не приложу, где искать к ним ключи, так что не уверен, что получится.

— Джастин, ты тоже наверх, — скомандовал я, выбежав на улицу. — Джейн, тоже на крышу. Остальные по плану, давайте за погрузчиками. И поосторожней!

И да, Джастин — этот тот самый толстоватый парень, что был пулеметчиком на базе в Грейт-Фоллз. Сначала, как и Джейн, он остался там, но когда их сменили по ротации, вместе с Джейн же, уже в Колд-Лэйке он запросился ко мне в отряд. Они оба запросились, если точнее. Претензий к нему у меня не было, он и парень толковый, и стреляет из своей машинки неплохо, но вот толстоват и тяжеловат, так что я поставил ему главное условие: худей и подтяни физо. И похудел, и подтянул. Пусть до совершенства еще далеко, но в нужном направлении он неплохо продвинулся. И сейчас навьючен тяжелым Сб и боекомплектом к нему. Ну и на мне еще четыре короба к его машинке, боекомплект пулеметчика на марше обычно делится в группе.

Со второй партией людей прилетит Рашид — специалист по всякой электронике, которого нашли в анклавке и который должен разобраться в том, что есть на складе. Потому что для всех нас это темный лес, просто бесконечное количество ящиков и коробок с маловнятной маркировкой. Ну и дополнительная группа для обороны, тогда все совсем проще станет, пулеметов прибавится.

Крыша, парапет, я уселся, прислонив «марк-одиннадцать» к нему, взялся за бинокль. Рядом пристроился Алекс с неуставным самозарядным «барретом». Сейчас он дальномер с ориентира на ориентир перекидывает, чтобы, слушась чего, в поправках не путаться.

— Алекс, вслух все говори, мне самому мерить некогда. И ориентиры называй.

Джастин дальше по крыше сдвинулся, чтобы больше захватывать сектор слева от нас. У него на пулемете шести-кратный «спектр» стоит, так что он со своей машинкой до-станет далеко.

Что внизу? Люди побежали к навесу с погрузчиками, катят с собой по бетону тележку с пускатом. Пока все штатно, без происшествий, у машин никаких засад я пока тоже не вижу. Вокруг что?

Вдали, у забитого машинами шоссе, вроде бы движение какое-то. Трупоеды?

Глянул туда в прицел, выкрутив увеличение на максимум. Точно, есть тварь за машинами, но вроде как вдоль дороги движется, на нас не навелась. Ну пусть и дальше не наводится. «Демонов», «демонов» надо высматривать, где они, там и неприятности. Меня тогда в Грейт-Фоллз две «гончих» чуть не схарчили с наводки «демона», а сам он благополучно смылся. Я каким-то чудом отбился.

И все же интересно, на складе есть то, за чем мы вообще сюда прилетели? Мы ищем ФЛИРы, это такие комплексы из видеокамеры, ночника и тепловизора, которые можно установить на вертолет, например, или на поднимающуюся мачте на машину, ищем станции ближней разведки. Из документов, до которых добрался аналитический отдел анклава, выходило, что американская пограничная служба пыталась как можно больше людей перебросить с канадской границы на мексиканскую, где проблем было выше башки, а эту северную границу усилить за счет техсредств. И вот эти самые техсредства должны были храниться на их складах в Детройте и в Баффало. В Детройт нечего и мечтать соваться, там все «мутное», а вот в Баффало мы прилетели, и пока без особых происшествий. Вроде бы.

К тому времени как «хьюи» вернулся со второй группой, первая успела завести оба погрузчика, а заодно растолкать два ближайших затора. Особых трудностей это не составило, никто не старался создать на полосе именно

что завал, просто выстроили машины, как я уже сказал, и все. Фронтальные погрузчики легко все вытолкали своими ковшами за пределы полосы, и сейчас люди собирали с бетона крупный мусор, что насыпался в ходе расчистки. Для садящегося самолета он может создать проблемы.

«Хьюи» опустился теперь на автомобильную стоянку за ангаром, чтобы быть поближе. Брайан перебрался к нам на крышу, которая уже превратилась и в наблюдательный пункт, и в опорный. Джейн давно установила связь с Ниагара-Фоллз, и мы вызвали сюда «отгер», которому пространства на полосе теперь хватало за глаза. А я ждал заключения Рашида — невысокого смуглого черноволосого парня, который побежал проводить на складе беглую инвентаризацию.

А трупоедов на дороге прибавилось. И при разборке дальнего затора люди нехорошую активность заметили. Тьма — это Тьма, она нас все же чувствует. Твари пока не нападают, но думаю, что до этого дело вполне может дойти.

Если тут всякого добра много, то придется вызывать «геркулес». Он прилетит хорошо если часа через три. Сколько успеем в него загрузить? Погрузчик на складе именно что складской, я не уверен, что он вообще сможет по рампе в самолет въехать. То есть застрянем здесь до темноты. И что ночью будем делать? Улетим обратно в Ниагара-Фоллз или запремся в складе? Заранее решение принять у меня не получилось, по снимкам реальную ситуацию не оценишь, но пока ее и так оценить не получается. Лучше бы, конечно, пересидеть ночь здесь, не теряя времени. Еще лучше загрузить все сегодня и улететь на базу, но это значит, что трофеев будет мало. Так что борьба жадности со страхом продолжается с неослабевающей силой.

- Босс, как слышишь? Это Рашид.
- Слышу хорошо, Рашид, что у тебя?
- Кое-что здесь есть.
- Много?

— Хватает. Надо большой самолет вызывать.

Это, наверное, хорошо.

— Джейн, связь с Ниагара-Фоллз, пусть вызывают «геркулес», — обернулся я к новоявленной нашей радистке. — Роб, — схватился я за рацию, — как слышишь? Разбирайте самый дальний завал и подтягивайтесь к нам. Вызываем «геркулес».

Нам бы еще бригада грузчиков не помешала вообще-то, потому что в ожидании самолета люди вместо обустройства обороны занимались грузом, собирая ящики у входа в склад. К счастью, этот склад был совсем рядом с полосой, так что транспортник мог подрулить совсем близко. Почти перед самым его прибытием Алекс заметил первого «демона», стоявшего у угла какого-то ангара, и снял его первым же выстрелом из своего «баррета». Тварь против пятидесятого калибра не выстояла, свалилась сразу, мешком.

Но твари понемногу вокруг концентрировались. Плохо то, что инстинкт самосохранения среди них есть только у «демонов». Вместе с каким-то разумом, похоже. А вот у всех остальных он отсутствовал полностью, их задачей было лишь жрать и убивать. И если рядом «демон», то того, на кого он укажет. Выстрел Алекса, как мне кажется, на какой-то момент сорвал их атаку, по крайней мере, три «гончих», что я заметил неподалеку, как-то растерянно закрутились. Второй выстрел Алекса свалил одну из них, но две другие рванули в нашу сторону, сразу же укрывшись за серым кирпичом ангара из рифленого металла.

— Всем на оборонительную, ворота склада закрыть! — заорал я в рацию.

Да, все пришло в движение, вон и со стороны дороги твари рванули сюда — «гончие» и еще какие-то, поменьше, но такие же быстрые. Я схватил винтовку, уронил ее торчащими вперед сошками на парапет крыши, поймал в прицел искаженный быстрым бегом черный силуэт сразу с поправкой на дальность, выстрелил, промахнулся, сно-

ва выстрелил и снова промахнулся, затем попал, тварь несколько раз перекувырнулась через голову, потом опять вскочила на ноги и побежала дальше, но уже медленно и колченого, и тогда я уже ее добил.

Застучал пулемет Джастина, снова пару раз тяжело бахнул «баррет», потом к хору присоединились трещотки «миними» — это не мы с Федькой вдвоем выбрались помародерить к Тьме, как тогда в Углегорске, тут у нас огневой мощи хватает.

Правда, строения сектор обстрела резали, так что несколько тварей добралось почти что до нас. Почти, потому что, как только они появились у склада, их смели, как вениками, из пулемета. Даже несмотря на то, что пара мелких монстров неслась по стенам как по земле. Так до сих пор не могу привыкнуть к такому их невероятному умению, хотя при своей первой встрече с «пионерами» я чуть не погиб как раз оттого, что они начали бегать по потолку.

Отбой боевой тревоги, опять к работе.

Потом было еще одно нападение, не слишком большими силами, которое отбили легко, но заметили второго «демона», и этот уже укрывался, не подставляясь под выстрел, так что нам следовало ожидать проблем.

Затем в небе появилась черная точка, постепенно превратившаяся в пузатый четырехмоторный транспортник, который по плавной глиссаде зашел на уже расчищенную полосу, явно демонстрируя, что вел его пилот опытный. И я даже знал кто, потому что из Вайоминга к нам в Колд-Лэйк прилетела пара инструкторов, и последние два месяца Настя переучивалась на «геркулес».

Самолет, вращая большими винтами и гоняя ветер, прирулил к самому складу. Откинулась аппарель, и, к моему удивлению, из чрева машины выгрузилось больше взвода бойцов во главе с Роналдом — одним из главных командиров анклава. Его люди начали растягивать колючие спирали вокруг самолета, устанавливая пулеметы.

Я спустился вниз, пожал Роналду руку. Не дожидаясь моего вопроса, он сказал:

— На бегу решение приняли. Митч прикинул, что если здесь можно посадить большой транспортник, то надо вообще здесь пошарить всерьез. На снимках даже вертолеты есть.

— Есть, — без всякого вдохновения сказал я. — Но дать гарантий, что сюда не стянется все монстры из всех мутных пятен, я не могу. Тут и так... оживленно становится.

— Посмотрим, — пожал он плечами.

Не люблю я вот такого спонтанного планирования от жадности. Этот вариант следовало заранее предусмотреть, но до настоящего момента вся операция планировалась исключительно мной, силами и средствами исключительно моего отряда. Но она все же планировалась, то есть у меня отдельный план на каждый «поворот сюжета», к нему альтернативный план, все рассчитано и просчитано. А тут как снег на голову свалилась толпа людей без всякого обеспечения своевременной эвакуацией. А если твари толпой повалят и надо будет валить? Спираль «гончих» не сдержит, ее тогда надо метра на два вверх поднимать, так что растягивание ее — скорее средство самоуспокоения.

— Мы сейчас «геркулес» загрузим, и он улетит, а здесь останется много людей и мало транспорта. Если случится убежать — будут очень большие проблемы.

— Он потом вернется.

«Геркулес» пока летает один, насколько я знаю. Второй летчик, который может его поднять, это Ричард. Тот самый Ричард, что сидит сейчас на базе в Ниагара-Фоллз с «оттевром».

— Сегодня разгрузиться и вернуться он не успеет. То есть ночь придется жить здесь.

— Значит, надо обустроить оборону, — отрезал Роналд. — С утра здесь еще и самолет с технарями будет. Поставлена задача забрать все полезное.

Да, я все понял. Вертолеты полезны, тут я согласен, сам об этом подумывал.

— Ладно, я с женой поздравляюсь.

— Давай, — кивнул он.

Металл аппарели забумкал под подошвами ботинок, затем я нырнул в алюминиево-сетчатое нутро «геркулеса» с откидными боковыми скамейками. Зашел в непривычно просторную кабину, поздоровался. Кроме Насти здесь было еще двое, «геркулес» в одиночку не водят. Два парня, оба молодые, хорошо если по двадцать есть обоим. Я вообще заметил, что по набору в пилотскую школу рванула самая молодежь. Даже семнадцатилетний есть, Барни, он сейчас на «сесне» летает.

Настя уже успела снять шлем и отстегнуться от кресла. Обнял ее, сильно притянув к себе, поцеловал в губы.

— Ну ты прямо... — засмеялась она. — Словно не вчера расстались.

— Я вообще расставаться с тобой не люблю, так что, по мне, хоть сегодня расстались — уже достаточно, чтобы затосковать.

Мы говорили по-русски, поэтому для ее помощников все наши переговоры были наглухо зашифрованы. Русский язык на Западе вообще хорош тем, что его никто не знает. А большинство еще и на кириллице читать не может, это как по-китайски для окружающих. Надо о чем-то переговорить совсем секретно — переходи на родной, не произноси имена и слова «общего пользования», и тогда стопроцентная гарантия того, что ни одна живая душа ни хрена не поймет. Не очень вежливо, но очень эффективно.

— Тоньше надо льстить, тоньше. — Засмеявшись, она оттолкнула меня. — Нельзя же так прямолинейно.

— Да можно, — отмахнулся я. — Зато лезть грубую трудно толковать превратно, она для этого слишком однозначна.

— Что у вас здесь?

— Застреваем, получается. У командования идей шо у того раввина, и таки все идеи блещут свежестью и новизной. Кстати, у нас барбекю в силе или отменяется, не пойму теперь?

На выходные мы гостей назвали. На всякие стейки и колбаски, на решетке зажаренные. Даже гамбургерные котлеты в списке есть, хоть каждый раз, выкладывая их над углями, я чувствую себя оскорбленным. А теперь я как-то совсем не уверен, что я к тому времени вообще вернусь. Операция по «очистке от имущества» в аэропорту Форт-Мак-Мюррей растянулась на несколько дней, и война с бандой тут совсем ни при чем, при этом там можно было трофеи грузовиками вывозить, а тут так не получится.

— А я не знаю. — Настя заметно растерялась. — Обзвонить всех и перенести на следующую субботу?

— Вот неплохо было бы.

— Хорошо, так и сделаю. Ладно, я пошла погрузкой командовать, а то потом будем лететь боком или как-то еще.

Мне тоже надо к делу возвращаться, потому что как раз сейчас снова бабахнула винтовка Алекса. А это скорее всего к очередной порции неприятностей.

К ночи сумели сделать полезное дело — подвесить спираль под самую крышу, это от настенных бегунов очень хорошо помогает, по опыту баз проверено. Именно когда под самый край, на стык крыши и стены, потому что тогда перепрыгнуть эту спираль не получается, теряются в таком твари, что-то не срастается у них там в башке.

Прибывшее с Роналдом подкрепление тоже знало что к чему, поэтому они притащили с собой еще несколько «миними». Как я уже говорил, анклав не испытывал никакого дефицита ни со стрелковым оружием, ни с патронами. Сейчас, по крайней мере. Алекс свалил еще одного «демона», почти с километра, но не того, что прятался за

ангарами. Тот как раз сумел организовать еще две атаки на наши позиции, причем первая из них оказалась настолько неожиданной, что стая «гончих» чуть не разорвала группу технарей, осматривавших вертолеты. Они едва успели заскочить во внедорожник пограничников, который все же завели, и дать по газам.

В общем, нормальной работы не получалось все равно, тварей становилось больше, нападали они все чаще, а когда дело пошло к темноте, они и вовсе загнали нас на склад и на крышу. Тепловизоры их толком не берут, тепла твари не излучают, в ночник тоже видны плохо, а с того момента, как сумерки превратились в ночь, они и вовсе озверели. Так что и с ночным отдыхом у нас получилось неудачно, план «одна смена отстреливается, а вторая отдыхает» как бы не очень выполнялся. Не спал толком никто, все были нервными и усталыми.

Поскольку Ронадд мне никаким боком не командование, я через Джейн и базу в Ниагара-Фоллз затребовал связь с Дэйвом Крауссом, нашим, можно сказать, главнокомандующим, и потребовал от него сворачивания операции.

— Ничего хорошего из этого не получится. То, что мы планировали вывезти, мы вывезли вчера. Но в остальном полный провал, нам даже не удалось осмотреть другие склады. Техники чуть не погибли во время осмотра вертолетов и при этом так их и не осмотрели. Ночью мы просто держали оборону.

— Как сейчас обстановка?

— Активность тварей упала, но их становится все больше, — обрадовался я хотя бы такому вопросу. — То есть днем мы скорее всего ничего не сможем сделать, а ночью вместо отдыха израсходуем боекомплект. Это плохое место для таких операций, мы же планировали быстрый вход и выход, здесь не получится сидеть неделю, как в Форт-Мак-Мюррей.

— Как собираетесь эвакуироваться?

— При всем моем уважении, сэр... — выдохнул я, задавив в себе ругательства. — Но над этим должен был думать тот, кто придумал все это. Высылайте «геркулес», пусть забирает всех кого можно. Мы воспользуемся своим транспортом, до Ниагара-Фоллз недалеко, можем с небольшой перегрузкой взлететь.

Дэйв помолчал, явно не слишком довольный таким исходом, но потом дал команду сворачивать операцию и эвакуироваться. Подбежавший к концу разговора Роналд выругался и скривил морду, из чего я сделал вывод о том, что эту хрень придумал он и протолкнул идею. А теперь выходит, что в глазах начальства он облажался. И еще выходит, что я себе нажил первого врага, похоже.

Все же что-то сверхпланово сделать удалось. Мы угнали с аэродрома бело-зеленый «хьюи» пограничной охраны. Рискнули, конечно, но решили, что риск оправдан. Одна машина стояла заправленной почти что под крышку и завелась без всяких дополнительных усилий, так что сидевший в кабине Брайан сказал:

— До Ниагара-Фоллз точно долечу, поэтому вы, босс, гоните мою птичку. И не сломайте.

Теперь уже мне пришлось поднимать с полосы вертолет с людьми, да еще и с двумя стреляющими во все стороны пулеметами — твари перешли в очередную атаку. Но до базы долетел на нем без проблем, а там мы его снова переоборудовали для дальнего перелета — сняли все лишнее и установили обратно допбаки. Трофейный вертолет там же, в Ниагара-Фоллз, и оставили, чтобы забрать его позже. Допбаков тут мало, хотя их тоже надо привезти, это не автомобиль, надо вообще убедиться в том, что он способен пролететь восемь сотен километров без происшествий.

В общем, я оказался дома вовремя, так что мы успели снова обзвонить всех, кого обзвонила Настя, и восстановить приглашение.

Глава 4

За что я особенно люблю наш дом — это за утренний вид из окна. Тот самый вид, который идет в комплекте с чашкой кофе и печеньем, когда ты сидишь за кухонной стойкой в халате, смотришь попутно местные новости по телевизору и глядишь в окно. До озера рукой подать, метров двадцать, наверное. Вот заборчик на границе нашей лужайки, двухполосная дорога, ряд тополей — и дальше вода уже. Она бывает разного цвета, и серой, когда пасмурно, и черной ночью, а сейчас она зеленоватая — утро одновременно и солнечное, и прохладно-ветренное, и поэтому поверхность воды взлохмачена мелкой злой волной. Кстати, в такую погоду рыба совсем не клюет, как я уже выяснил.

Да, еще газета передо мной на столе, тоже с местными новостями, каких для целой газеты не так уж и много. Но газета — это символ настоящей жизни, некоей стабильности, поэтому я с удовольствием открываю почтовый ящик каждое утро и даже кое-как отпечатанную рекламу вынимаю оттуда чуть не с благоговением. И думаю, что это не только у меня такое, потому что тягу к символам нормальной человеческой жизни я замечаю у очень многих. Даже наше субботнее барбекю отчасти такой же природы. Просто поиграть в добрых соседей, потому что за пределами этого усиленно создаваемого и культивируемого мирка начинается территория страха и неуверенности.

Неуверенность — она во всем, она заложена в сам статус нашего анклава. Пусть пока его обитатели не знают, за чем именно их пытаются ловить и задерживать федералы, и большинство чужих уже не верит в сказку про то, что все они носители вируса Суперкори, но они знают то, что федералов много, а чужих все еще мало. И то, что анклав находится в Канаде, — это не только потому, что здесь есть нефть и зерно, но еще и потому, что сюда федералам до-

бираться далеко. И опять же каждый в душе понимает, что рано или поздно они сюда доберутся. Так или иначе.

Но в общем пока такие мысли все же получается давить. Хотя бы тем, что забот хватает. У меня, например, впереди дел — непочатый край. И у Насти тоже. Которую здесь зовут Энис. Вообще-то из Анастасии получается имя Стэйси, но Стэйси ей не понравилось, поэтому она сократила свое полное имя до вот этой самой Энис. А имя Настя в англоязычном окружении все же лучше не употреблять, слишком похоже оно на «nasty», то есть «отвратительный».

Так вот, у нее тоже дел выше крыши — она и пилот на «геркулесе», и инструктор летной школы, причем главный, то есть всей школой командует. Еще и директор, получается. Здесь много людей «на все руки от скуки», потому что специалистов никаких не хватает и каждый обладающий знаниями и умениями в чем-то важном для анклава ценится на вес золота. Я вот вроде бы команду отрядом, который здесь зовут task force, предназначенным для борьбы с бандами, а по факту мы чем только не занимаемся. От знакомого еще по Углегорску контроля нежилого сектора до организованного мародерства в мертвых местах.

Но это все пока, пока тянется оргпериод, пока набирается штат, пока люди тренируются и пока готовится техника. А затем нам надо будет доказать, что мы созданы не зря. Что сделать? Ну, для начала снизить давление, которое оказывают банды на базу в Грейт-Фоллз, потому что именно через нее проходит основной торговый маршрут нашего анклава. В Вайоминг. В Территорию Вайоминг, которая отложила от Федеральной и ведет теперь самостоятельную политику, вода дружбу с чужими. Банд там много, банды создают проблемы, и нам надо бы если и не уничтожить их, что такими силами чистая утопия, то заставить покинуть территорию, откочевать оттуда к чертовой матери и больше не мешать. То есть силами отряда надо сделать их жизнь в том месте невыносимой. А пока они пытаются

сделать невыносимой жизнь базы. Зачем? Потому что они психи?

Я бы не сказал. Психам нужны пленные и нужны убийства, для психа свет клином на базе не сошелся. База — это уже проявление рационального в их планах. Если ты сумел сделать жизнь базы невыносимой, то вынудил с тобой договариваться. И взамен ты можешь уже что-то требовать.

В общем, сейчас я допью кофе, переоденусь в канадскую форму со знаками различия нашего анклава и поеду на службу. Готовиться и готовить отряд к будущим победам. Такой вот я оптимист.

Настя, с мокрыми, кое-как просушенными волосами, одетая в длинный купальный халат, зашла на кухню. Это мы с ней пробежались с утра, она от меня тоже эту полезную привычку подхватила. Зажужжала кофеварка. Тихое семейное утро, обычное семейное счастье. Обычно к семейному счастью прилагаются дети, но у нас с этим здесь... нет у чужих детей. Может, и к лучшему. Скорее всего к лучшему, но это приходится себе регулярно объяснять, так как сознание эту истину усваивать отказывается.

— Ты сегодня как обычно?

— Скорее всего. — Я пожал плечами. — Вроде бы ничего сверхпланового не ожидалось. А что?

— Ничего, — отмахнулась она. — Просто какие-нибудь планы на вечер пытаюсь составить.

— Какие?

— Пока только пытаюсь, не знаю еще. Может быть, в город выберемся?

«В город» — это в ту часть Колд-Лэйка, которая ближе к военной базе, где городские власти и все такое. Мы живем в другой части, той, что у озера, между ними несколько километров. Если кто-то хочет поехать сюда, то говорит «на берег».

— Я не против. Тогда нормальную одежду с собой возьми, переоденусь на базе.

«Выйти в город» — это вроде как пройтись по немногочисленным магазинам, а потом осесть на ужин в каком-нибудь гриле, а закончить все в каком-нибудь баре. Сегодня пятница, сегодня все out¹. И да, шляться по барам в форме как-то не комильфо, так что лучше переодеться.

— Может, тогда на одной машине поедем? — спросила она.

— Давай.

Обычно мы на двух, потому что оба на службе, и как там день пойдет, заранее не угадаешь. Но в пятницу мы практически всегда после службы в город, поэтому стараемся на одной. Чаше на моей.

Здесь даже что-то вроде часа пик наблюдается. По крайней мере, одновременно с нами из своих домов выезжает еще множество людей. Озерная часть города больше жилая, так что те, кто едет на работу, едут как раз в город. Или на бывшую базу канадских ВВС, как мы например.

В гараж мы машины не загоняем, гараж у нас скорее за кладовку работает, а обе — и черный «либерти» Насти, и мой немолодой белый пикап с поднятым над дорогой повыше брюхом — стоят на подъездной дорожке. Мы загрузились в пикап, закинув сумки на заднее сиденье, затем я сдал задом на дорогу.

Сначала дорога вдоль озера — самый мой любимый отрезок, потом недолгое петляние по улицам, затем недолгая поездка по шоссе среди полей и перелесков. Пейзаж — самая настоящая средняя полоса России, здесь даже в свое время на базе были курсы выживания для натовских пилотов, на случай если их над вот такими же местами в России собьют. Но курсы закрыли еще с окончанием холодной войны.

Машин на шоссе в город тоже немало. Даже школьный автобус впереди едет, но школьников нет, он теперь здесь

¹ Out, go out — пойти развлекаться (англ.). (Здесь и далее примеч. авт.)

вроде как за рейсовый, не все любят сами за рулем кататься, к тому же «Хаски Энерджи» — нефтяная компания, которая основа основ и оплот оплотов местной экономики, своих работников возит централизованно. Ну тех, какие этого сами хотят.

В городе на улицах тоже было суетно, рабочий день начинался. Проехав по Пятидесятой, я увидел открытое отделение «Хаски Кредит», местного банка, и напомнил себе, что надо бы обналичить зарплатный чек, который я как раз получил перед вылетом в Ниагара-Фоллз, но в банк заскочить с ним не успел. Наличных в кармане и так хватает, но у нас платежи по кредиту и все такое, так что пусть зарплата в полном объеме ляжет на счет.

За городом трафик стал уже не таким интенсивным, большинство едущих там и осело. До базы там еще парутройку километров по шоссе, но машин немного. Навстречу проехал патруль на двух вооруженных бронированных «джи-вагенах». Это основная бронетехника в этих краях — все, что не было полностью уничтожено на складах канадской армии. Так себе машина, прямо скажем, недаром канадцы после Афганистана начали активно искать ей замену, да вот не успели. Американский «хамви» уж на что проблемный экипаж, но этому «джи-вагену» хотя бы устойчивостью сто очков вперед даст, равно как и вместимостью и грузоподъемностью. И вооружение не сравнить. Хотя против тварей Тьмы обычные единые пулеметы куда лучше применять — и экономней, и поворачиваются они быстрее, и сверхубойность пятидесятого калибра тут лишняя. Это уже против людей.

Как бы то ни было, «хамви» на базе тоже есть теперь, я прямо в воротах столкнулся с легкобронированным, со старым пулеметом М60 на открытой турели. Это недавно одна из групп дальней разведки, что подчинены Митчу, в штате Вашингтон наткнулась на совершенно целый и никем не разграбленный и не взорванный арсенал Наци-

ональной гвардии. Говорят, что там следов стрельбы хватало, так что вышло, что кто-то этот арсенал отстоял для себя, а потом скорее всего или умер, или что-то другое случилось.

Что оттуда пригнали, теперь вон стоит, вытянувшись в ряд у стены ангара. Несколько тяжелобронированных «хамви», вооруженных всерьез, несколько таких, какой мы только что встретили, и несколько обычных, разъездных и «логистических».

Я проехал мимо этих машин до главного здания базы — учебного центра, там высадил Настю, поцеловав ее и дав забрать сумку из кабины.

— Переодеться не забудь! — напомнила она.

— Хорошо!

Она вообще-то тоже ходить в форме должна, но этот факт игнорирует. Говорит, что тогда ее начинает начальство строить, а она строиться не намерена. Наверное, какой-то резон в этом есть.

А вот и наш отрядный ангар. Большой, серый, с огромными воротами, через которые раньше катались самолеты. Самолетов здесь больше нет, так что в ангаре сконцентрировалась вся наша отрядная база. Я остановил пикап у стены, в рядок с другими машинами тех бойцов, кто приехал на службу или дежурил ночью, выбрался из кабины.

В воротах меня встретил Халлоран, из новых — рослый белобрысый парень с длинным лицом и вечно розовыми щеками, провалившийся сюда из некоего городка Индиан-Пасс в Монтане, которого в этом слое действительности вообще не было. Эдакий Углегорск в местной версии. В прошлой своей жизни Пол Халлоран водил фургон UPS и любил охотиться на оленей, чем увлекался с детства, и теперь оба умения пригодились. Водил машину он действительно отлично, стрелял блестяще и умел искать следы. Так что отбор в отряд он прошел достаточно легко.

Ночь он провел в крепко запертом от греха и всяких тварей складе, а сейчас неторопливо прохаживался в воротах, скрестив руки поверх висящего на груди автомата.

— Как дежурство?

— Без происшествий, кэп.

С чьей-то легкой руки меня начали называть кэпом, то есть капитаном. Почему и отчего — ума не приложу, но обращение прижилось, и я с этим поделаться уже ничего не мог. Впрочем, некоторые звали боссом, тут кто как.

Ангар огромный, так что у нас тут разместилось все, от парка и арсенала до казарм — уже знакомых мне «контейнеризованных жилых модулей», установленных в два ряда у дальней стены. Это на случай перехода как раз на казарменное положение, служба все же. Да и сейчас четверть личного состава остается на ночь в ангаре, службу нести. Халлоран лишь один из них, командовать дежурной сменой остался Роб.

Роба я увидел у машин. Роб рослый, жилистый, в прошлом пусть и не хватавший звезд, но профессиональный рукопашник в смешанных боевых искусствах, а заодно теперь один из самых близких мне людей в отряде, можно даже сказать, что друг. Пожали друг другу руки, обменялись вопросами «как дела».

— Рашид уже заезжал на своем велике, спрашивал тебя, — сказал Роб. — Выглядел очень деловым.

— Не сказал зачем?

— Нет. Он скоро снова заедет, сказал.

— С покраской закончили?

— Да, все здесь. — Роб показал на ряд машин перед нами.

Теперь мы не бедствуем после рейда на завод «Инкас» в Торонто, который прошел еще на удивление без всяких проблем. Оттуда мы пригнали бронетехнику, причем много бронетехники. Ну, по нашим масштабам много. Главное — мы заполучили целых одиннадцать LARV — больших взрывоустойчивых бронемашин, весом в деся-

ток тонн каждая, с турелями под вооружение, из которых отдали пять в общественное пользование, а шесть оставили себе. Сейчас в них уже установили крупнокалиберные пулеметы, или «марк-девятнадцатые», и машины были готовы к делу.

Еще нам досталось восемь таких же машин, сделанных для полиции. В них не было башен под оружие, вместо пяти бойцов в каждой могло ехать восемь, и компоновка была уже не с кузовом, а вроде внедорожника, «двухобъемная». Четыре мы отдали, четыре оставили себе, сняв с них всякие полицейские атрибуты вроде мигалок, и вот эти машины нам перекрасили из синего полицейского цвета в защитный военный. А еще перекрасили один «броневтотбус» под названием «Гурон», не знаю, как еще назвать, высокий броневик-фургон с плугом для разбивания баррикад и двенадцатиместным нутром, каких мы притащили два и опять же один отдали. Господь велел делиться, чтобы не провоцировать зависть и интриги.

Заодно мы отдали весь транспорт, что получили сначала, а командование от щедрот «под логистику» выделило нам три достаточно новых «унимога» с тентом, так что техникой отряд теперь укомплектован лучше некуда.

Сейчас переоборудование машин заканчивали. Один из полицейских «инкасов» уже почти переоборудовали во что-то вроде командно-штабной машины, поставив туда мощную связь, а вот по еще одной машине мы как раз ждали информацию от Рашида, который разбирался с имуществом, что мы вывезли из Баффало. Предполагалось поставить туда ФЛИР на выдвижной штанге, но мы пока так и не знали, есть у нас эти приборы в требуемом виде или нет.

Закончим — и вот тогда сразу же двинем на войну.

Еще один контейнер — это штаб. Поначалу мы попытались разместиться в основном здании базы, нам даже выделили большую-большую комнату с компьютерами, но оказалось, что там все же неудобно. Штабной работой у нас от

силы три человека занимаются, люди больше тренируются и работают с техникой, так что перенесли все это прямо в ангар. Так жить оказалось проще, все под рукой.

Едва сел за стол, зазвонил телефон. Снял трубку — Шон, бывший коп из Портленда, что в штате Мэн, который у нас кем-то вроде начальника контрразведки числится, помимо всех остальных обязанностей. Мужик толковый, уже доводилось иметь с ним дело.

— Привет, как дела?

— Нормально. Как у тебя?

— Тоже. Ты Мартенсена из Вайоминга помнишь?

— Конечно.

Мартенсен в том Баффало, что в Вайоминге, где теперь официальная столица Территории, а не в том, откуда мы вчера прилетели, командует ополчением. И да, я его помню и с ним знаком. Нормальный мужик, к слову, дело иметь можно.

— Он здесь сейчас, хочет с тобой поговорить.

— Прямо сейчас? Я бы через полчаса пришел.

Черт, мне надо бы с Рашидом все же пообщаться.

— Это нормально, он тут еще пару часов будет.

— Приду.

Интересно, что это Мартенсену от меня могло понадобиться персонально? Общие проблемы с Территорией Вайоминг у нас есть, но с ними проще к моему командованию, а не ко мне. Мы с ним общались, но как бы дружбы тесной не случилось, по службе, да один раз в баре столкнулись, когда он мне пиво проспорил. Кажется, на пиво тогда спорили... нет, на деньги, он мне сотню местных долларов проиграл, а я как раз платил за пиво.

Глава 5

Мартенсен встретился со мной на улице, у входа в главное здание. Увидев идущего меня, он сделал несколько шагов навстречу, протянул здоровенную ладонь для руко-

пожатия. Он вообще весь здоровенный — и ростом, и шириной плеч, — хоть и худой.

— Ты здесь уже большим боссом стал?

— Большим? — удивился я. — Нет, так себе босс, расти еще и расти. Как там у вас?

— Ничего не меняется. Люди приходят понемногу отовсюду, тоже растем. Жена все летает?

— Больше учит, она по профессии именно пилот-инструктор.

— Это лучше, чем над пустыми землями летать, — одобрительно кивнул он. — Передавай привет при случае.

— Обязательно.

— Тобой федералы интересовались, — вдруг резко сменил он тему разговора. — Поплавски сначала сказал, а потом они ко мне приходили.

— А кто именно и зачем? — изобразил я некое удивление.

— Кто именно? — переспросил Мартенсен. — Сейчас...

Он пошарил в поясной сумке, выудил из нее чуть помятую визитку с логотипом DHS и гербом, прочитал:

— Юджин Пикетт, старший специальный агент. Знаешь такого?

DHS, или Департамент безопасности отечества, или ДБО, если русифицировать, — единственная федеральная структура, которая сохранилась из числа тех, что вели разведку, контрразведку и борьбу со всяким криминалом. Федералы сочли, что при нынешней численности населения содержать все эти ФБР, АНБ и прочих получается накладно и неразумно, поэтому всех свели под одну крышу, как раз ДБО.

— Он уже и агент, и еще старший специальный? — удивился я. — Да, я его знаю, он в Гарден-Сити, Канзас, был кем-то вроде... а черт знает кем он был, он всем подряд занимался. В прошлом он коп, работал в Канзас-Сити, насколько я помню. И что ему понадобилось?

— Мне он ничего об этом не сказал, Поплавски тоже понял только то, что федералы тебя зачем-то ищут. И они на тебя злы, как ему показалось. Что ты там натворил?

— Трахнул девку из сити-холла и уехал, не предупредив, вроде бы все.

— Ничего ценного не прихватил? — усмехнулся Мартенсен.

— Я на своем самолете улетел. Если они вдруг не начали считать его своим, то ничего. Если начали, то пусть трахнут себя, потому что самолет мой и я вместе с ним на работу нанялся. Даже выданное оружие оставил на месте.

— Ты работал в Гарден-Сити? — удивился он. — Чужой там работал?

М-да, лишнее ляпнул. Надо выкручиваться.

— Там забавно получилось. Они с анализами ошиблись, а я поначалу вообще ничего не знал ни про каких чужих. Так что месяц я там проработал. Правда, к концу месяца понял, что надо смываться, если не хочу жить там в клетке, и просто ждал удобного момента.

Вроде нормальная версия... относительно.

— Впервые слышу, чтобы с анализами ошибались.

— Образцы перепутали, я так понял. Не мой проверили.

— Понятно. И все же ищут они тебя зачем? Чужой и чужой, вас тут целый анклав. Что в тебе такого?

— А что Пикетт говорит?

— А что ты скажешь? — усмехнулся Мартенсен, ответив вопросом на вопрос.

— Перед тем как сбежать, я связал и запер в его же доме одного федерального чиновника. Никаких телесных и прочих повреждений ему не нанес, уверен, что его через пару часов уже освободили.

Надеюсь, что освободили. Некий дискомфорт от того, что я оставил связанным Липперса, я все же испытывал, надо сказать честно. Все думал о том, что я его вот так ки-